

* 8 ДЕК 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

Олег Табаков, народный артист РСФСР

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ НАЧИСТОТУ

Встреч было несколько: одна — за кулисами Художественного театра, другая — в солидном, обшито деревянными панелями кабинете, третья — в подвальчике на улице Чапыгина, который хорошо знаком московским театралом.

Об истории этого коллектива, о том, как много лет добивался он официального признания, наткнувшись на яростное сопротивление чиновников от культуры, не раз писала пресса. В чем только не обвиняли студию! Индивидуальности серые (а «серых» наперебой приглашали театральные и кинорежиссеры), и репертуар идейно невыдержанный (это о Мольере, Булгакове, Апуье). Да и вообще — мороки много с этими молодыми, прощайте «не пущать».

Но коллектив продолжал жить. Время, к счастью, работало на него: пришел конец администрированию, неоснованным запретам. Театр недавно открыл новый сезон. В группе в основном выпускники актерских курсов ГИТИСа 1980 и 1986 годов, художественным руководителем которых был Табаков. Он давно занимается педагогической работой, справедливо полагая, что учить молодых мастерству должны практики.

— Судьбы большинства студийцев сложились удачно. Они известны по работам в кино, в других театрах Москвы. Что этому способствовало: ваша помощь, случай, элемент везения?

— В каждой случайности заключена закономерность. Ребята талантливы — это главная причина. А в нашем деле все измеряется талантом. Сложность в другом: как его определить? Как обнаружить «искру божью»?

Я прежде всего отметил бы три обстоятельства: строгий отбор абитуриентов, последующий безжалостный отсев (не подумайте, я крови не жажду, это акция гуманная — можно успеть сменить профессию, не покалечив жизнь) и, наконец, интенсификация способностей оставшихся. Убежден: озарение приходит на рубеже отчаянной смелости. В ситуации максимальных нагрузок молодые развиваются стремительнее, быстрее взрослеют. Конечно, надо отдыхать, беречь здоровье — наш основной инструмент, но работать необходимо на пределе.

— Процесс воспитания будущего актера включает в себя не только формирование творческой индивидуальности, но и гражданственно зрелой личности, честной, принципиальной, совестливой. Этого может добиться только коллектив педагогов-единомышленников, разделяющий взгляды своего руководителя.

— Конечно, один в поле не воин. «Команда» преподавателей у нас подобралась замечательная. Более десяти лет мы работаем вместе с профессором В. Марковым, у которого еще я учился, с режиссером В. Храмовым, актером театра «Современник» А. Леонтьевым. Теперь к нам присоединились четверо наших бывших студентов. Старейшина — ему за 80, «метры», которым 50, 40-летний Леонтьев и молодые, которым нет и тридцати, — вот вам и живая преемственность поколений. Возрастная цепочка не дает прерваться «связи времен».

— С осени прошлого года вы ректор Школы-студии МХАТа. Очевидно, большее поле деятельности увеличило число проблем. Какие изменения ждут студентов?

— Прежде всего необходимо увеличить количество часов, которые педагог по актерскому мастерству тратит на каждого ученика. Сейчас сложилась парадоксальная ситуация: заработная плата преподавателя зависит от числа студентов. Если отчислить, допустим, пятерых нерадивых, то надо уволить одного педагога. Экономим копейки, потеряем тысячи, ибо гоним «вал», в котором по статистике больше половины брака. Да, да, больше половины выпускников театральные вузов не работают по специальности.

Прошлый учебный год кончился для школы-студии печально. Актерские дипломы получил 21 человек. Девять служат сейчас в рядах Советской Армии, из оставшихся двенадцати только трое работают. Это ли не повод для тревоги? Правда, нынешний выпуск настраивает на оптимистическую волну — он целиком вошел в «Современник», став театром-студией «Современник-2».

Я пытаюсь понять: что мы производим? Мы занялись долговременной «обратной связью»: разослали письма бывшим студентам последних шести актерских выпусков с просьбой рассказать, чем они занимаются, чего добились, что не получилось и почему. Потом проведем такую же анкету и по другим факультетам. Посмотрим, какая картина получится. Думаю, не очень радужная.

Итак, тщательный отбор, последующий отсев и максимальная самостоятельность студентов. Никакие «нажимы» сверху не помогут. Этим принципам буду придерживаться жестко и последовательно. Оправдаются ли они, пока-

жет жизнь, теоретизировать — не очень благодарное занятие.

— Не слишком ли высоки ваши требования? Посмотрите на молодых — они раскованы, свободно держатся на сцене, пластичны, поют, танцуют, без страха берутся за большие роли...

— Да, внешние признаки актерства налицо. Но, положив руку на сердце, всегда ли можно назвать их профессионалами? Меня порой обескураживает низкий уровень актерской игры, ее дилетантский характер. Мы в последнее время мало говорили об этом и в то же время сдавали одну позицию за другой.

Спектакли становятся художественным явлением, когда их создает коллектив, объединенный общими этическими и эстетическими идеалами, когда их делают профессионалы высокого класса. Только тогда постановка получает «знак качества», если считать ее «продукцией», которую «выпускает» театр.

Когда продавец обещивает и обещивает покупателя, это преступление, оно карается законом. А плохая игра актера, которого не слышно уже из десятого ряда, остается безнаказанной. Почему? Почему зритель, заплатив за билет два с полтиной, получает «конечный продукт» на полтора рубля? Его же на рубль обманули! Я не меряю искусство деньгами, отнюдь, но придерживаюсь старомодной теории — зритель всегда прав. И когда устраивает овации, и когда «голосует ногами». Так что ты, актер, будь добр, отдай все, что имеешь, всего себя тем, кто заполнил сегодня зал, кто пришел на встречу с тобой.

— И вы никогда не изменяете этому принципу?

— Меня публика балует. Но я-то знаю: далеко не всегда то, что делаю, равно хорошо. Бывали неудачи, хоть считается, что мне везет. Но я всегда стремился отдавать залу то, что имею. Вообще отношения актера с публикой напоминают отношения влюбленных: познакомились, и содержание встречи оказалось столь значительным, что появилось желание увидеться вновь. Это, наверное, не единственный способ взаимоотношений, но для меня наиболее естественный.

Когда актер выходит на сцену, зритель как минимум должен изумиться его изначальной одаренности. Наша профессия уникальная, но не всегда благодарная. Актеры призваны подносить зеркало к лицу своего современника, а это занятие не всем приятно. Находятся люди, которые считают зеркало кривым, забывая, что на него, по русской пословице, «неча пенять...».

Бывают высокие мгновения, когда между сценой и залом возникает неповторимое ощущение со-участия, со-причастности, но знаю я и таких актеров, которых мало заботит контакт с публикой.

— Вы любите эксцентрики, буффонаду, яркую форму. Как бы вы сами определили свое амплуа?

— Я все-таки актер характерный — мне интересны крайние состояния человеческой души. Теперь, перешагнув полувековой рубеж, все чаще обращаюсь к ролям возрастным. Секрет вечной молодости никому не известен. Да, честно говоря, если бы знал его, то удавился бы с тоски, всю жизнь играя Меркуцио, Лаэрта и даже Ромео.

— Актер зависит и от репертуарных планов, и от выбора режиссера. Он всего лишь посредник между драматургом и постановщиком. Как сохранить в таких жестких рамках свою творческую свободу?

— По-моему, свобода творчества — это не только осознанная необходимость, но и возможность наиболее полной реализации своей

заветной мечты. Свобода творчества предполагает наличие воли у того, кто стремится этой свободой воспользоваться. Она никому не дается как манна небесная, ее надо завоевывать, отстаивать. Если учесть, что до недавнего времени свобода художника регламентировалась чиновниками, ставшими буквально надсмотрщиками над театральным процессом, то можно представить, как непросто было воплощать это понятие в жизнь. Нужна неистребимая вера в то, что делаешь праведное и нужное дело.

Я благодарю судьбу за то, что в моей жизни был «Современник», в создании которого вместе с другими принимал участие и я, и где проработал 26 лет. Именно это было фундаментом, на котором сформировалась моя жизненная философия, мои нравственные критерии. Максимализм и непримиримость Олега Ефремова, нашего тогдашнего руководителя, к кабинетству, премьерству и прочей дряни, от которой страдает театр, воспитали в нас порядочность, принципиальность, честность. Если бы не было «Современника» в моей юности, то едва ли хватало у меня сил и желания заниматься тем, чем занимаюсь теперь. Вполне мог бы остаться просто благополучным актером, преуспевающим на театральной ниве.

За последние годы мы во многом девальвировали свою профессию, согласившись стать одной из красок театра. Это не принесло ему пользы. Испокоин века главное средство выразительности на сцене — актер. Я всегда был враждебен авторитарной режиссуре, считая ее своим эстетическим противником и, как могу, отстаиваю достоинство актера, его право на самостоятельность. Сейчас настало время для принципиального разговора о возврате актерскому цеху утраченных им прав. Но «раскручивается» этот разговор очень медленно.

Как не вспомнить наших великих предшественников, симпатии и антипатии которых были понятны и ясны.

Разве Мейерхольд и Таиров были менее принципиальны, чем мы? Менее интеллигентны и деликатны? Я перечитывал недавно полемическую Мейерхольда с мхатовцами — они имели мужество называть вещи своими именами, и ничего, кроме уважения, это не вызвало. «Иду на вы», — говорили они и шли с поднятым забралом, чтобы противники видели их лица. Сейчас же мера нашего компромисса выше всех санитарных норм. Некоторые клянутся в верности Станиславскому, но то, что они делают, — это прямая борьба с наследием великого режиссера. Ну и давайте говорить обо всем открыто, прямо, не надо блефовать, не надо заниматься макиажем!

Признаюсь — все хуже становится мой характер. Но что поделаешь! Я не хочу и не буду протягивать руку тому, кого не уважаю, кто любыми способами столбит собственный успех, придерживаясь порочного правила «минимум риска — максимум выгоды».

— Непривычно видеть вас таким жестким. Хотя, наверное, трудно сохранять благодушный настрой, когда говоришь о том, что накоплено. Вы секретарь правления Союза театральных деятелей РСФСР. Вот простор для деятельности.

— Мы только начинаем. И учтите — сдвинуть с места большую заржавевшую машину нелегко. Хорошо, что обязанности секретарей не регламентированы жесткими рамками. Помимо международных связей советского театра, я буду заниматься и актерскими делами, и театральным образованием. Я довольно часто играю в спектаклях периферийных коллективов, хорошо знаком с их жизнью и высоко ценю нравственный подвиг своих коллег. Правда, порой их художественные достижения не самого высокого свойства, но подвигническую деятельность переоценить трудно.

Театральный бум даже в крупных городах сходит на нет, а в областных центрах его и вовсе не было. Залы там нередко заполнены на треть, премьеры приходится выпускать чуть ли не каждый месяц, а зарплата мизерная. Как прожить, прокормить семью, не потеряв вкуса к творчеству, сохранив достоинство профессии? Создание театрального фонда, который будет оказывать актерам, попавшим в кризисные ситуации, материальную помощь, — одна из первоочередных задач Актерской биржи изжила себя, но совершенствование деятельности недавно воссозданного консультационного пункта, который помогает найти работу, необходимо.

— Вы много работаете в кино и на телевидении, и все же...

— ...и все же считаю себя в первую очередь театральным актером. Могу с уверенностью сказать: ничто не отвлекает в зрителе так сильно и внятно, как сильно и внятно выраженное актерское искусство.

Считаю, что театр для актера — наиболее мужественный и честный вид работы. Выходишь на сцену — и через две-три минуты становишься ясно, каковы твои взаимоотношения с залом, интересен ли ты ему, насколько значительно то, что ты предлагаешь. В кино слишком велика многоступенчатость ракеты, в последнем отсеке которой находится актер, слишком велик труд людей, выносящих его на орбиту. Радио доносит только голос, телевидение напоминает кино. А в театре ты один на один со зрителем.

Но ничего прекраснее, чем выходить на сцену и получать удовольствие от игры, я не знаю...

Беседу вела Е. ЗОНИНА. Фото В. Плотникова.